

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА МОДЕЛИРОВАНИЯ ЭТНОСПЕЦИФИЧНЫХ КОНЦЕПТОВ

Т.А. Golikova

THEORY AND PRACTICE OF MODELING ETHNOSPECIFIC CONCEPTS

В современных когнитивных и этнопсихолингвистических исследованиях стал востребованным комплекс специальных терминов, в рамках которых осуществляется моделирование национально-специфического языкового материала. Во-первых, это понятие картины мира этноса, языковой картины мира, концепта. В связи с этим потребовалась разработка и методики моделирования национальных концептов.

Современные исследователи этноспецифичных концептов зачастую подменяют концептуальный анализ традиционным грамматическим или лексико-семантическим, при этом используя в названии работы модное для них слово «концепт». Так, Б.Ч. Ооржак, исследуя концепт «время» в тувинском языке, анализирует исключительно *грамматические способы выражения времени* (выделено полужирным курсивом здесь и далее мной. – Т.Г.). Отмечая, что в тюркологии решение вопросов когнитивной лингвистики находится только в зачаточном состоянии, исследователь утверждает: «*когнитивные смыслы* в тувинском языке, *формирующие картину мира* его носителей, ещё не являлись объектом исследований», и в своей работе представляет «анализ языковых *смыслов, репрезентирующих концепт* “время” относительно прошедшего времени в тувинском языке» [12, с. 292–293]. Как видим, исследователь непоследовательно использует термины «когнитивный смысл» и «языковой смысл», более того, утверждает, что эти смыслы якобы репрезентируют концепты.

Моделирование концепта, осуществляемое Н.Н. Королевой, Ф.Х. Сахаповой, Р.В. Мукаевой, включает следующие этапы.

¹ Доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и издательского дела АНО ВО «Российский новый университет».

© Голикова Т.А., 2016.

1. Выявление *культурологически позитивного, негативного и нейтрального значений концепта* «белый» в татарском, русском и английском языках. «Некоторые значения прилагательного “белый” нейтральны и не меняют своего *семантического значения* в свободных словосочетаниях, указывая только на цвет объекта» [12, с. 92].

2. Анализ пословиц и фразеологизмов с компонентом «белый».

3. Анализ *грамматической категоризации* концептов: определение части речи лексемы, специфика словоизменения в языках разных типов, определение роли лексемы в предложении, специфика словообразования.

Как видим, собственно концептуального анализа не проводится.

Р.Р. Саньярова указывает, что «выявление и описание лингвоспецифичных концептов, *которые в одно и то же время отражают и формируют образ мышления народа*, продолжает оставаться актуальной задачей лингвокультурологии» [13, с. 125–126]. Как известно, образ мышления народа формируют многие факторы как генетического, физиологического, так и географического характера, но никак не концепты. А вопрос об отражении так и остается вечной философской проблемой – *кто что отражает и каким образом*. Исследуя концепты «сабырлык» и «акыл» языковой картины мира башкир, исследователь, во-первых, обращается к речевым фрагментам употребления соответствующих лексических единиц в трилогии З. Бишевой «К свету», т.е. к современному употреблению в контексте художественной речи. Во-вторых, приводит в качестве примера и доказательства семантического наполнения концептов «фольклорные данные», в частности – «пословицы».

Н.И. Кыйбанова, анализируя национально-

языковую специфику проявления концепта «Алтай» в языковой картине мира алтайцев, во-первых, исследует происхождение этнонима «Алтай», во-вторых, исследует фольклорно-эпический смысл лексемы, в-третьих, моделирует структуру ядра концепта, иллюстрируя ее контекстами из народно-поэтической речи и современной речи алтайцев, моделирует структуру периферии концепта, в-четвертых, моделирует представленный эмоциями «диффузный когнитивный слой, который состоит из слабо структурированных предикаций». Таким образом, исследователь строит полевую структуру концепта, следуя концепции И.А. Стернина, выделяет ближнюю, дальнюю и крайнюю периферии – когнитивные слои, «обволакивающие» ядро [11, с. 193].

Е.С. Жигачёва, моделируя концепт «Байкал», выделяет в нем понятийный, образный и ценностный компоненты. Следуя работам С.Г. Воркачева и В.И. Карасика, она выделяет признаковую и дефиниционную структуры концепта, а также информационно-фактуальный компонент. Используя различные лексикографические источники – историко-этимологические словари, толковые словари русского языка, энциклопедические словари, «Русский ассоциативный словарь», а также письменные памятники и исторические хроники, – исследователь анализирует **историю наименования самого объекта** «озеро Байкал», далее анализирует этимологию этнонима «Байкал», проводит дефиниционный анализ тополема *Байкал* из лексикографических источников.

Следующим этапом работы с концептом становится выделение **характеристик значения «озера» гидронима Байкал**. К сожалению, не указывается характер связи между концептом и характеристикой значения (в традиционной терминологии – компонент значения, сема). Далее исследователь проводит анализ значений синонимов данных лексем «для наилучшего понимания того, **какие стороны значения выражаются** тем или иным синонимом и каковы различия между ними», не уточняя, что представляет собой «сторона значения» и как она соотносится с понятием концепта. Автор ссылается на исследование З.Д. Поповой и И.А. Стернина, согласно которым дефиниции синонимов концепта представляют собой фиксацию основных информационных компонентов и включают когнитивные признаки, характеризующие общую сущность и дифференциальные составные элементы исследуемого концепта.

«**Характеристики значения**» сопоставля-

ются в таблице с **синонимами ключевого слова «Байкал»** под названием «Дифференциальные составляющие **синонимов концепта** «Байкал»», как видим, ставится знак равенства между понятием «ключевое слово» и «концепт». По итогам проведенного анализа понятийной составляющей концепта «Байкал» автор представляет его содержание в виде схемы [3].

Мне не очень понятно, когда Т.Ф. Извекова утверждает, что **семантические компоненты составляют смысловое ядро концепта**: «Как показал структурно-семантический анализ словарных единиц (но никак не концептуальный анализ. – Т.Г.), в семантической структуре лексемы *праздник* выделяются такие **семантические компоненты**, как: *ойын* – игра, *байрам* – праздник, *жыргал* – праздник, *той* – свадьба, которые **составляют смысловое ядро концепта** “праздник”. Они выполняют **функцию концептуальных признаков**, участвующих в процессе концептуализации данного явления» [5, с. 47]. Я даже попыталась смоделировать сказанное. Как известно, значение единицы языка состоит из компонентов, сем, которые могут быть ядерными и периферийными. В свою очередь, компоненты концепта лишь репрезентируются лексемами, имеющими значение.

Несмотря на то что целью работы Ф.Я. Хабибуллина, И.Г. Иванова ставят проведение и анализ и установление общего и специфического в политической **лексике** татарского и марийского языков **на лексико-семантическом и структурном уровнях**, незаметно речь заходит о **концептах** политического **дискурса**. К базовым концептам политического дискурса автор относит концепты «власть» и «политик». Авторы, анализируя концепт «власть», выделяют в татарском и марийском языках **лексико-семантические группы**. Далее выделенные группы и лексемы они классифицируют в зависимости от способа **словообразования**. Отдельно рассматриваются **заимствования** в соответствующих группах лексики [15].

Далее рассмотрим серию работ, выполненных проф. Д.Ф. Каюмовой и ее учениками. «Функционируя как средство хранения и передачи народного опыта, являясь своего рода кристаллизацией этнического мировоззрения, **пословицы и поговорки обнаруживают органическую связь с концептами как культурно-специфическими вариантами понятий, которые составляют когнитивный базис национально-культурной языковой картины мира**» [9, с. 62]. Во-первых, разве пословицы и поговорки не являются речевыми репрезентан-

тами концептов, а только обнаруживают органическую связь с последними? Во-вторых, рассмотрение концепта как понятия давно не актуально в науке, так как серьезно ограничивает модель, состоящую, как указывают ведущие ученые, из разносубстратных слоев или компонентов. В-третьих, общепризнано разделение когнитивной [концептуальной] картины мира и языковой картины мира.

В следующей работе Д.Ф. Каюмова отмечает: «известно, что наиболее значимые культурные реалии отражены и закреплены, как правило, в виде *ключевых слов – концептов*, в составе общеупотребительных пословиц, поговорок и фразеологизмов ... фразеологические единицы, являясь языковыми знаками, выступают в роли означающих некоторых ментальных образов [концептов], свойственных определенному этническому сознанию, но как образно-мотивированные вторичные наименования [фразеологизмы] имеют значительно больше возможностей по сравнению с другими номинативными единицами образного оформления *лежащих в их основе концептов*» [8, с. 164–165]. Таким образом, в концепции автора, во-первых, ключевые слова – концепты, но не концепты репрезентируются ключевыми словами, во-вторых, концепты лежат в основе фразеологизмов, но не конкретное фразеологическое значение.

Исследуя концепт «труд», Д.Ф. Каюмова обращает внимание, прежде всего, на лексическую семантику, в которой доминирует принцип аксиологической идеализации трудолюбия. Далее рассматриваются образно-ассоциативные стереотипы, в частности – зооморфные метафоры. Различия концепта «труд» в разных языках объясняется спецификой национального менталитета по выбору прообраза, лежащего в основе метафорического переноса [6, с. 175].

Итогом рассуждений школы Д.Ф. Каюмовой (в соавторстве с А.Р. Губановым) становится следующее понимание этноспецифичного концепта: «Национальный концепт – самая общая максимально абстрагированная, но конкретно репрезентируемая в языковом сознании, подвергшаяся когнитивной обработке *идея “предмета”* в совокупности всех валентных связей, отмеченных национально-культурной маркированностью, которая может характеризоваться как одна из форм самовыражения и самоопределения этноса» [2, с. 161]. К сожалению, не раскрывается суть «идеи предмета», а также за пределами концептосферы оказывается большое количество «нематериальных» концептов.

Свои рассуждения авторы продолжают:

«Концепты по-разному группируются и вербализуются в разных языках в тесной зависимости от собственно лингвистических, прагматических и культурологических факторов, следовательно, *фиксируются в разных значениях*» [2, с. 162]. Проведенное авторами когнитивно-семантическое исследование, ориентированное на сопоставление ключевых концептов культурно-национального мировидения через единицы фразеологического уровня татарского, турецкого и английского языков, позволило сделать им определенные выводы *о степени сходства и различия в предпочтениях выбора изучения той или иной лингвокультурной общности в качестве сравнительного стереотипа носителями трех сопоставляемых языков* [там же]. К сожалению, вывод ученых я могу проинтерпретировать.

Лингвокультурологический анализ базовых концептов материального и внутреннего мира человека, заявленный авторами работы, позволил им «уточнить степень влияния языка на мировосприятие конкретного этноса или то, каким образом этническая специфика рассматриваемых языков “наслаивается” на универсальные концептуальные структуры». В действительности же *анализ* заключался *в описании фразеологических единиц и стереотипов, заключенных в них*. При сопоставлении татарского, турецкого и английского лингвокультурных обществ, – продолжают авторы, – целесообразно рассматривать матрицу совпадений и различий на уровне языка как способ выявления национально-культурной специфики.

В следующей работе был применен *лингвокогнитивный* подход, который помог определить, по мнению Д.Ф. Каюмовой, универсальное и национально-специфическое в коммуникации и проанализировать *национальную специфику дискурса концепта «Судьба»* в исследуемых языках [7, с. 186]. Вместе с тем, заявленный анализ состоял из следующих этапов.

1. Выявление значения соответствующей лексемы в сравниваемых языках.
2. Анализ фразеологических единиц.
3. Анализ фольклора.

Ни в структурном, ни в содержательном аспектах о концепте не говорилось.

Продолжает терминологическую и методологическую путаницу (языковые единицы, конструкты, реалии) работа Л.В. Гришковой, в которой указывается: «В целом, в сравниваемых языках прослеживается как *семантическая общность* в восприятии *ключевых концептов* татарского, турецкого и английского языков, так

и дифференциальные черты фразеологических единиц. Лексема *мир* в исследуемых картинах мира устойчиво *связывается* с повседневным, будничным *существованием* человека, а не с абстрактной целостностью всего существующего [1, с. 159]».

Исследование концептов, характеризующих интеллектуальный и нравственный мир человека в английском и тюркских языках, проведенное И.А. Темиркаевой, состояло из следующих этапов.

1. Выявление словарной дефиниции соответствующей лексемы.

2. Анализ и перевод фразеологических единиц, содержащих соответствующие лексемы.

3. Выявление и описание соответствующих тематических групп.

4. В пределах выделенных семантических групп выявление национально-специфических и типологических общих фразеологических образцов, связанных с обозначением интеллектуальных состояний человека.

Итогом исследования стало утверждение о том, что *«исследование фрагментов языковой картины мира свидетельствует о наличии языковой личности, развитой в нравственном отношении, с гибкой системой нравственных оценок, принимающей на себя ответственность за все свои действия и действия окружающих»* [14, с. 170].

Г.И. Зиятдинова на защиту выносит положения, которые чрезвычайно неточны и расплывчаты в формулировках. *«Концепт “Сугыш [Война]”* находит яркое воплощение в татарской языковой картине мира и является *лингвокультурным концептом*, так как представляет *значимую единицу словаря*, обладает богатым *лексическим фоном* и ценностным для татарской лингвокультурной общности содержанием» [4, с. 7].

«Исследуемый нами *концепт* находит многочисленные проявления в татарском языке, выражаясь, главным образом, в *семантике лексических и фразеологических единиц* в виде универсального признака войны. Его специфика заключается в *своеобразии моделей комбинаторики*, в которых он находит свое *компонентное выражение, сочетаясь с другими, близкими по значению, признаками* [там же]. *«Ядро концепта “Сугыш [Война]”* в татарской языковой картине мира составляет *лексема сугыш*, а *периферию, синонимы орыш, яу, дау, бәрелеш, утереш, кан коеш, көрәш, кыйнаш*». Утверждая, что в работе представлен подробный лингвистический, культурологический, фольклорный

и философско-религиозный анализ концепта, в реальности же диссертант проводит этимологический анализ *концепта*, анализ лексемы по толковым словарям, анализ спонтанных речевых употреблений концепта, анализ семантики фразеологизмов, пословиц и поговорок, эпоса, анализ речевых употреблений, зафиксированных в художественной литературе, т.е. анализ текстового уровня реализации концепта.

Итак, анализ даже небольшого количества современных работ, исследующих, описывающих или моделирующих тюркские концепты, выявил непоследовательность в теоретических и методологических подходах, используемых в современных национальных работах по моделированию этноспецифичных концептов. Представляется, что исследователям нужно быть более внимательными в следовании избранной парадигме и методике исследования.

Литература

1. Гришкова Л.В. Концепт «мир человека» в английской и тюркской языковой картине мира // Проблемы и перспективы развития многоуровневой языковой подготовки в условиях поликультурного общества. – Казань, 2015. – С. 155–160.

2. Губанов А.Р., Каюмова Д.Ф. Ключевые концепты культурно-национального мировидения через единицы фразеологического уровня английского и тюркских языков // Проблемы и перспективы развития многоуровневой языковой подготовки в условиях поликультурного общества. – Казань, 2015. – С. 160–165.

3. Жигачева Е.С. Концепт «Байкал» в региональной лингвокультуре : автореф. дис. ... канд. филол. наук; Бурят. гос. ун-т. – Улан-Удэ, 2015. – 24 с.

4. Зиятдинова Г.И. Концепт «сугыш [война]» в татарской языковой картине мира : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Казань, 2009. – 24 с.

5. Извекова Т.Ф. Языковая репрезентация концепта «байрам/жыргал» в алтайской культуре // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2012. – № 2 (19). – С. 42–47.

6. Каюмова Д.Ф. Концепт «труд» и его воплощение в языковой картине мира английского и татарского языков // Русская литература в изданиях и переводах. – Казань, 2015. – С. 166–176.

7. Каюмова Д.Ф. Концептосфера «судьба человека» и его языковое воплощение в английском и тюркских языках // Проблемы и перспективы развития многоуровневой языковой подготовки в условиях поликультурного общества. – Казань, 2015. – С. 181–187.

8. Каюмова Д.Ф. Культурологические ценности фразеологических единиц английского языка и их перевод на русский язык // Русская литература в изданиях и переводах. – Казань, 2015. – С. 161–166.
9. Каюмова Д.Ф. Лингвострановедческий и лингвокультурологический аспекты при переводе фразеологизмов (на материале английского и татарского языков) // Русская литература в изданиях и переводах. – Казань, 2015. – С. 60–67.
10. Королева Н.Е., Сахапова Ф.Х., Мукаева Р.В. Семантическое сходство и различие концептов «ак», «белый», “white” в татарском, русском и английском языках // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. – Новосибирск, 2015. – С. 91–96.
11. Кыйбанова Н.И. Концепт «Алтай» в алтайской языковой картине мира // Материалы VII Международной научной конференции молодых ученых «Наука и образование – 2011». – М., 2011. – Ч. VII. – С. 190–194.
12. Ооржак Б.Ч. Прошедшее в системе временных представлений тувинцев // Мир науки, культуры, образования. – 2015. – № 1. – С. 292–294.
13. Саньярова Р.Р. К проблеме языковой картины мира башкир. Концепты «сабырлык» и «акыл» и их вербализация в трилогии З. Бишшевой «К свету» // Язык и литература в условиях многоязычия : материалы II Международной научно-практической конференции. Часть I. Языковая картина мира и лингвистика XXI века. – Нефтекамск : РИО БашГУ, 2008. – С. 125–128.
14. Темиркаева И.А. Концепты, характеризующие интеллектуальный и нравственный мир человека в английском и тюркских языках // Проблемы и перспективы развития многоуровневой языковой подготовки в условиях поликультурного общества. – Казань, 2015. – С. 165–170.
15. Хабибуллина Ф.Я., Иванова И.Г. Политическая лексика в татарском и марийском языках: синхронный анализ // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2014. – № 1 (31) : в 2-х ч. – Ч. I. – С. 186–190.